

**Александр
Каневский**

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ВПЕЧАТЛЕНИЙ**

Александр Семёнович Каневский

Полное собрание впечатлений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8723825

*Александр Каневский. Полное собрание впечатлений. Сборник впечатлений, встреч и улыбок: Зебра Е; Москва; 2013
ISBN 978-5-906339-47-8*

Аннотация

Несколько лет назад эта книга вышла сотысячным тиражом и была быстро раскуплена. Автор получал много писем от читателей – от тех, кто прочитал книгу, и от тех, кто спрашивал, где ее можно купить. Поэтому он и решил ее переиздать, но уже в расширенном и дополненном варианте: ведь за эти годы он продолжал много ездить по уже знакомым и еще новым странам. Теперь он весело и непринужденно рассказывает о своих новых впечатлениях, о странах, о городах, о героях прошлых репортажей, с которыми удалось снова повидаться...

Содержание

Города, где я бывал. (Предисловие к первому изданию)	5
Двадцать лет спустя. (Предисловие ко второму изданию)	7
Глава первая. Варшава и варшавяне	8
Гофман, который живёт на крыше	12
Ода Старому Мясту	14
Первая сабля	17
«Нет проблем!»	20
Двадцать лет спустя...	24
Глава вторая. Италия из окна автомобиля	31
Борьба за покупателя	34
Спящая красавица	38
С грустью о чувстве юмора	41
Кафе для одиноких	44
Потрясение шедеврами	46
О религии	50
Впечатления, не вместившиеся в предыдущие главы	53
Двадцать лет спустя	58
«Мы и заграница». (Привал между главами)	69
Первая «заграница»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Александр Каневский
Полное собрание
впечатлений.

Сборник впечатлений,
встреч и улыбок

Художник А. Лебединский
© Александр Каневский, 2013.

Города, где я бывал.

(Предисловие к первому изданию)

Я с детства любил географию. С широко распахнутыми глазами, восторженно слушал рассказы учителя о дремучих африканских джунглях, в которых затаились племена чернокожих пигмеев, о рождающихся прямо на глазах островах в океане, о мудро спланированных, архитектурно завершённых термитных городах в Австралии, о горячих гейзерах, пронзающих Камчатку...

Вместе с героями Жюль Верна я облетал Землю на воздушном шаре, а потом, ночами, в своих фантазиях, ставил себя на их место и проделывал это путешествие заново, в десятый и в сотый раз...

Герой одного из моих репортажей, сельский паренёк, взбирается на старую вишню и следит за пробегающими вдали поездами, мечтая о путешествиях. Так и я когда-то, взобравшись на дерево Детства, торопил время, чтобы можно было поскорей помчаться в дальние края и страны. В детстве время тянется медленно — я его подгонял, подгонял... Теперь оно мчится, всё убыстряя скорость, и я, уже взрослый, понимаю, что его не затормозить, потому спешу, спешу побольше успеть и увидеть.

Любовь к путешествиям вырвала меня из уютного каби-

нета, посадила за руль машины и заставила колесить по дорогам разных стран. Я побывал во многих городах, ближних и дальних, столичных и провинциальных. Каждый город имеет свое лицо, свой темперамент, и зависит это от людей, его населяющих. Коллективный характер города – это сумма характеров горожан. Лицо города – это мозаика из лиц его жителей. Город кажется чужим, пока там не появляются друзья. Вспоминая город, я вспоминаю лица друзей. Чем больше дружеских лиц, тем ближе и роднее город.

Я расскажу вам о городах, где я бывал. Я познакомлю вас с жителями этих городов, и, если они вам придутся по душе, вы тоже полюбите их, и каждый город из абстрактной географической единицы превратится в конкретное приветливое лицо и сразу станет знакомым, станет близким, станет своим.

Моя «Лада» – самая вместительная машина в мире. Я вас всех приглашаю: открывайте дверцу-обложку – и поехали...

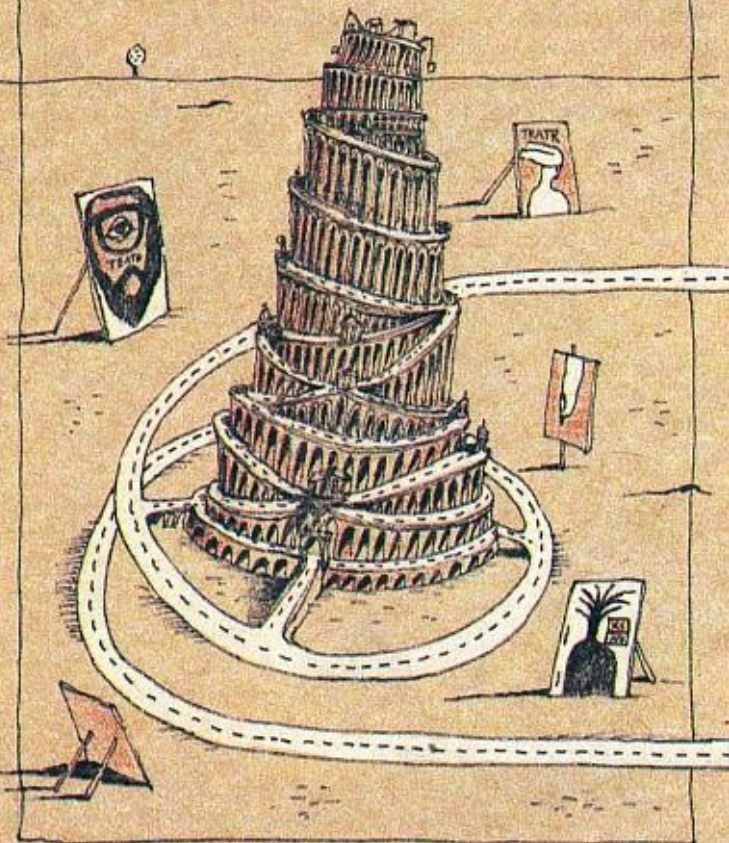
Двадцать лет спустя. (Предисловие ко второму изданию)

Первое предисловие было написано приблизительно, двадцать лет тому назад. Книга вышла стотысячным тиражом и была быстро раскуплена. Я получал много писем от читателей, и от тех, кто прочитал книгу, и от тех, кто спрашивал, где её можно купить. Получаю до сих пор. Поэтому и решил переиздать этот сборник. Но уже в расширенном и дополненном варианте: ведь за эти годы я продолжал много ездить по уже знакомым и ещё неизвестным странам. Поэтому после каждой главы я буду рассказывать вам о своих новых впечатлениях двадцать лет спустя, о странах, о городах и о героях моих прошлых репортажей, с которыми мне удалось снова повидаться. Некоторые истории, эпизоды, зарисовки я уже публиковал в разных изданиях, а теперь собрал их все в этом сборнике.

Глава первая.

Варшава и варшавяне

глава первая
ВАРШАВА И ВАРШАВЯНЕ

С утра без перерыва хлещет ливень, такой сильный, что, кажется, вот-вот смоет «дворники»: конец месяца – где-то не выполнили план по дождям, вот и штурмуют. Ничего, провёмся!

В придорожном ресторане нам подали рыбу-саблю, поджаренную вместе с ножнами. Ничего, разжуём!

Под Ровно инспектор ГАИ попросил подвезти до города какую-то старушку. Всю дорогу она нам сообщала страшные новости: впереди наводнение, и мост сорван, и все машины плавают... Если бы она работала главным паникёром города, то всегда получала бы прогрессивки. Но испортить нам настроение даже ей не удалось: мы едем в Варшаву, город, где у нас много друзей, нас ждут и нам рады.

Жена и дочь пели тонизирующие песни из репертуара Аллы Пугачёвой, я прибавлял газу, и машина весело неслась по паркету асфальта, отполированного щёткой дождя. Я знал, что всё будет хорошо: и ливень кончится, и солнце появится, и даже таможенные инспекторы встретят нас добрыми улыбками.

К вечеру дождь кончился. Выстиранное им небо сушилось на радуге. Подъезжая к Бресту, мы увидели мальчуганов, играющих с мячом. По мокрой траве катился яркий жёлтый сверкающий шар, похожий на солнце. Потом его подбили ногой, и он помчался, подгоняемый ветром. Перекаати-Солнце.

В брестской гостинице «Интурист» милые приветливые администраторы, оборудованная стоянка для машин, хороший буфет, уютные номера... Вот только подушки огромные, как постаменты. Спать на них приходится полусидя, вернее, даже полустоя. Взгромоздиться на такую подушку, всё равно, что покорить Эльбрус.

Утром, перед самым отъездом, увидели толпу у киоска с сувенирами. Подошли и порадовались: замечательные изделия, с большим вкусом и выдумкой: раскрашенные лошадки, резные шкатулки, сундучки... Мы докупили большое количество сувениров к тому бессчётному количеству, которое везли. А несколько из них я купил для себя, чтобы поставить в кабине (как в анекдоте: «Себе, любимому!»).

Гофман, который живёт на крыше

Мы жили в самом центре Старого мяста (Старого города), на Рыночной площади, в новой квартире Ежи Гофмана, известного польского кинорежиссёра, фильмы которого «Гангстеры и филантропы», «Пан Володыевский», «Потоп», «Прокажённая» пользовались большим успехом в Советском Союзе.

У меня богатая фантазия, я могу себе представить всё, даже самое невероятное: неподвижный Терек или остановившийся в воздухе реактивный самолёт, но я не в силах вообразить Гофмана в спокойном состоянии. Он живёт на ходу, постоянно улетаая, прилетая, уезжая, забегая... Даже разговаривая по телефону, бегают по квартире с аппаратом в руках. Для того чтобы поговорить с ним, бегаю рядом, беседуем короткими перебежками. Иногда звонит его жена Валья, которая сейчас за границей. Во время каждого междугороднего разговора она с любопытством спрашивает: «Кто у нас сейчас в гостях?», и Гофман называет ей новую фамилию. Он регулярно кого-то встречает, принимает, развлекает. Большинство гостей из Советского Союза – это не удивительно: он кончал ВГИК, жил четыре года в Москве, потом снимал фильмы на Украине – в СССР у него бесчисленное количество друзей. (До нас у него гостил Владимир Высоцкий).

Работает он очень быстро, в среднем снимает два фильма в год, плюс к этому ещё руководит объединением. У Гофмана большое количество наград: премии министра культуры, премии министра обороны (это как наши Государственные премии), номинации на «Оскара»...

Те считанные дни, вернее, часы, когда он дома, Гофман проводит время на кухне: обожает готовить и угощать блюдами собственного приготовления. Преимущество отдаёт русской кухне: блины, пироги... Причем, имеет свои рецепты, свои секреты. До сих пор с восторженным стоном вспоминаю его хрустящие деруны!..

Их квартира на последнем этаже, балкон выходит на крыши. Средневековые крыши, покрытые черепицей, на которых вырос лес телевизионных антенн. По красным крышам гуляют чёрные коты. Крыши, крыши, крыши... Где-то здесь живёт Карлсон. Я стоял на балконе и ждал его появления. Но вошел Гофман, и я понял, что он и есть Карлсон. Даже похож на него: приземистый, сдобный, круглолицый. Фортуна всю жизнь гладила его по голове и протерла большую уютную лысину, тоже, как у Карлсона. Очень они похожи. Только Карлсону подвижность придаёт пропеллер, а Гофману – его внутренняя атомная энергия, которую он использует в добрых и мирных целях.

Ода Старому Мясту

Все улицы Старого города сходятся на Рыночной площади. Рыночная площадь напоминает большой выставочный зал: на стенах домов развешаны картины молодых художников, предлагающих свои произведения. На эстраде студенческий ансамбль привлекает публику: поёт, танцует, разыгрывает музыкальные сценки. Ребята очень заразительно всё делают, и площадь им подпевает. В промежутках между номерами рекламируют картины, и теперь уж их обязательно покупают – ведь таким весёлым ребятам нельзя отказать.

Здесь удивительно уютно.

В центре площади – кафе под открытым небом и под тенями: плетёные столики и стульчики в бесчисленном количестве, всегда есть свободные места, чтобы присесть, выпить чашку кофе или охладиться мороженым. Между столиками ходит шарманщик, в пелерине, в цилиндре, с ярким попугаем. За двадцать злотых попугай вытащил мне моё счастье на польском языке: «Чекай доброй дроги» (жди хорошей дороги). Всё верно, только с опозданием: путешествие заканчивается.

К вечеру раздаётся стук подков, появляются кабриолеты, на них можно прокатиться по всему Старому городу (въезд машин сюда запрещён). На козлах – кучера в чёрном, нарядные, важные и гордые, как женихи.

Здесь много ресторанов и ресторанчиков, почти в каждом подъезде. В них всегда есть посетители. Один привлекает фирменным блюдом, в другом – поёт известная певица. В нашем подъезде помещался маленький ресторанчик с итальянской кухней. Запах пиццы и спагетти дразнил нас с самого утра. Очень хотелось туда попасть, но мешало гостеприимство наших друзей: мы всё время были куда-то приглашены. Пробегая мимо ресторанчика, торопясь на очередной приёме, мы глотали слюнки – но не наедаться же перед обедом! А обратно возвращались сытыми. Когда же проголодаемся, надо снова спешить на ужин. И так все дни.

Однажды я сделал титаническое усилие, проснулся в шесть утра и вышел на улицу: хотелось походить по Рыночной площади, пока она безлюдна. Магазины ещё были закрыты. Плетёные стульчики в кафе дремали, склонив спинки на столики.

Двое дворников поливали брусчатку мостовой мыльной пеной и тёрли её щётками. Площадь пересекала красивая молодая женщина в вечернем туалете. Она шла медленно, пошатываясь, в помятом платье, не причёсанная, не накрашенная... Вчерашняя женщина.

Каждый раз, когда я хожу по Старому Мясту, меня переполняет радость и восхищение. Восхищение людьми, которые смогли поднять из руин и с такой любовью восстановить своё прошлое, вплоть до кирпичика, до медальона, до дверной ручки... Это великий подвиг, за который нельзя не по-

клониться!...

Первая сабля

Друг Ежи Гофмана – Юрек Беккер, писатель и журналист, который в дальнейшем стал и моим другом, был в Варшаве очень известной личностью: красивый, элегантный, остроумный, владеющий несколькими языками, он пользовался огромным успехом у женщин, его называли «Первая сабля Варшавы», о его бесконечных романах рассказывали легенды. Одну из них я сейчас перескажу.

В Польше был очень непопулярным один советский дипломат, который, ощущая себя «большим белым братом», был груб и бестактен – это унижало человеческое и национальное достоинство поляков. Жалобы в Москву не помогали. Тогда от него решено было избавиться другим путём: к Юреку обратились с просьбой соблазнить жену этого дипломата и, тем самым, его скомпрометировать. Это была просьба всей интеллигенции, это было чуть ли не государственное задание, и Юрек согласился.

Уже через месяц жена этого дипломата, как влюблённая кошка, бросалась к нему, где бы он не появлялся. На каком-то приёме, выпив лишнее, она подсела за его столик и оказывала ему недвусмысленные знаки внимания. Возмущённый дипломат, который это увидел, подскочил к столику, оттащил жену и что-то оскорбительное сказал Юреку, тот в ответ дал ему пощёчину, завязалась драка. Назавтра об

этом написали все газеты, возник скандал, и дипломата отозвали. Вся Варшава ликовала, а Юрек стал национальным героем: когда он входил в какое-нибудь общественное заведение, мужчины аплодировали ему.

Несколько лет он работал специальным корреспондентом Польского радио в Москве. Однажды всех иностранных корреспондентов газет, радио и телевидения пригласили на открытие Братской ГЭС. Когда они собрались у выделенного им самолёта, Юрек случайно услышал разговор двух пилотов: они обсуждали какие-то подозрительные шумы в одном из двигателей. Второй пилот предложил задержать вылет и вызвать механиков для проверки. Но первый пилот отмахнулся:

– А! Ху с ним! Долетим! – и объявил посадку.

– Представляешь, моё состояние? – рассказывал Юрек. – Что делать? Поднять шум? Показать себя трусом и паникёром? А как докажешь – пилоты скажут, что мне это показалось!.. Короче, я сел вместе со всеми, и весь полёт напряжённо вслушивался в работу двигателей, покрываясь холодным потом от каждого толчка...

– Но ведь долетели? – спросил я.

– Долетели.

– Вот видишь, какая мощь заключается в Российском «ху с ним»? Возьми, к примеру, освоение космоса: «Давайте первыми запустим Спутник Земли. – Какой спутник? У нас звать нечего, задница в заплатах! – А ху с ним, запустим!».

И запустили?

– Запустили.

– То-то! Вам, иностранцам, никогда не понять великую силу Российского «ху с ним»!

И Юрек со мной согласился.

«Нет проблем!»

Я сейчас работаю над сценарием советско-болгарской кинокомедии. Один из её героев – администратор Одесской филармонии, король администраторов, словарный фонд которого, как он объясняет, на три слова меньше словарного запаса остального человечества: он не знает, что такое «нет», «нельзя», «невозможно». Так вот своего героя я писал с Ричарда Ожеховского.

Мы познакомились в Киеве, когда он был директором Декады польской литературы и искусства. Потом встречались в Варшаве. Я не знаю точно, как формулируется его должность, но знаю, что он в центре всех культурных мероприятий Варшавы, принимает делегации, устраивает выставки, встречает международных гастролёров. Не так давно он провожал пятьдесят японок, которые учились играть Шопена на родине великого композитора (кстати, это идея Ричарда). А потом он участвовал в событии, о котором говорил весь культурный мир. Вкратце перескажу эту историю.

В 1838 году Эжен Делакруа написал портрет Фредерика Шопена и Жорж Санд. После смерти художника портрет перешёл в другие руки и был разделён на два. Портрет Шопена остался в Париже и попал в Лувр, а портрет Жорж Санд перекочевал в Данию и обосновался в Копенгагене. И вот в Варшаве в ноябре 1979 года, более чем через сто лет,

оба портрета снова встретились. На открытии этой выставки лучшие пианисты играли произведения Шопена... Одним из тех, кто задумал эту выставку и организовал её, был Ричард. Французский консул назвал его «Месье «Нет Проблем». Нет проблем! – единственная реакция Ричарда на любое задание. Для любого администратора Ричард Ожеховский – ходячая школа повышения квалификации. Он-то и был руководителем нашего культурного досуга в Варшаве. Как вы понимаете, для нас не было ничего невозможного.

Мы побывали в театре «Сирена» на спектакле «Великий Додек», о знаменитом польском актере Адольфе Дымше. (Исполнитель главной роли Богдан Лазука, прекрасный актёр с лицом Остапа Бендера, и очень гостеприимный: сразу предложил нам ключи от квартиры, где, наверное, и деньги лежат...)

Посмеялись на эстрадно-кабаретном представлении «Караван» в Театре на Торговку...

Посмотрели пьесу Славомира Мрожека «Кравец», поставленную в театре Сполчесном...

И даже попали на спектакль «Опереттка» по пьесе Витольда Гамбровича, билеты на который были проданы на три месяца вперёд. («Ричард, а мы достанем билеты?» – «Нет проблем!»)

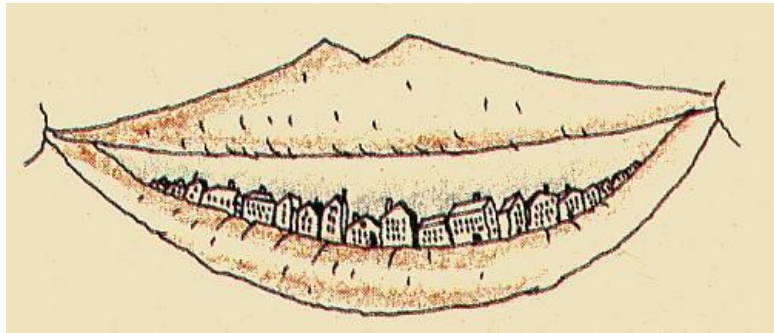
Не стану анализировать эти спектакли – они разные, они спорные. Единственно, что их объединяет, – это высокий уровень актёрского и режиссёрского мастерства и истинная,

паразитительная театральность. И ещё. В Варшаве театр начинается с плаката. Плакаты удивляют, восхищают, смешат, интригуют... Они зовут, они просто кричат: «Иди к нам!.. У нас интересно!» Искусство плаката – это трудное, но очень благодарное искусство, которым польские художники овладели в совершенстве.

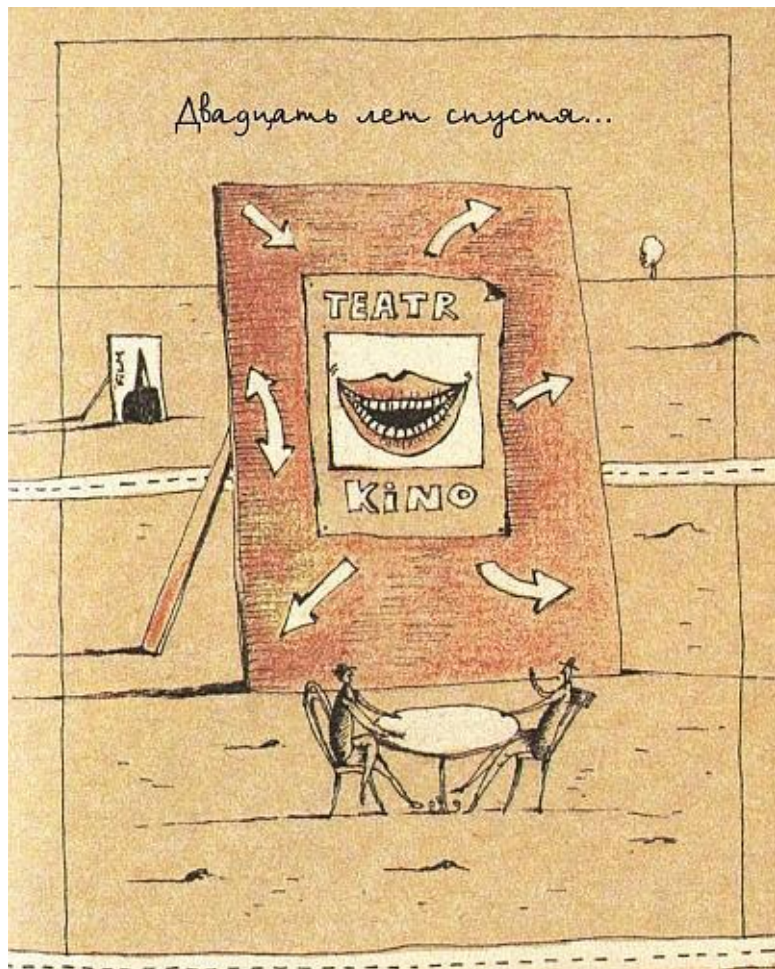
«На закуску» Ричард повел нас в Торвар, на концерт модных вокально-инструментальных ансамблей. Торвар – это огромный Дворец спорта. В первом отделении выступали местные «Скальды», во втором – гастролёры, популярный ансамбль «Санто-Калифорния». После первого отделения долго болели уши: грохот стоял такой, что разговаривать друг с другом было невозможно, даже покупая лимонад, приходилось общаться с продавщицей при помощи жестов.

В середине первого отделения ударник разбил барабан – его поменяли. Рядом стояло ещё два запасных: очевидно, подобное не впервой, и музыканты проявили предусмотрительность.

Во втором отделении гастролёры играли чуть потише, но дымились в буквальном смысле: дымовая завеса входила в элемент оформления, её подсвечивали разноцветными прожекторами. (Теперь, кстати, это стало очень популярным и у нас). Было красиво, но все время хотелось позвонить в пожарную охрану.

Двадцать лет спустя...

В Старом Мясте стало ещё многолюдней: сегодня каждый турист стремится поскорей попасть в этот сказочный уголок города, каждый спешит запечатлеть себя на фоне памятника Сирены – покровительницы Варшавы, втайне надеясь, что она его тоже в трудную минуту защитит.

Здесь, на рыночной площади, как и прежде, художники выставляют свои картины, как и прежде, по воскресеньям проходят концерты, фестивали, как и прежде можно показаться на дрожках, правда, кучера уже не такие гордые и парадные, каждый стал простым и доступным, как Ленин, – явный результат наступления демократии.

Многочисленные кафе и «кафушки» ведут незаметное наступление на площадь, столики и стулья, как опытные солдаты, короткими перебежками, метр за метром, продвигаются вперёд, и постепенно заполняют площадь.

И при всём этом многолюдье как-то совсем не шумно, что, честно говоря, даже удивляет, особенно меня, приехавшего с громкоголосого Ближнего Востока. А вот и объяснение: у входа плакат «Старувка просит тишины». Как приятно, что эту просьбу туристы исполняют.

** * **

С Ежи Гофманом последний раз я виделся в Москве.

Встреча была недолгой, он был «пролётом», через пару часов уже должен был лететь куда-то дальше. (Гофман есть Гофман!).

– Давай по быстрому! – Я вытащил бутылку коньяка, но он решительно остановил меня:

– Не надо! А то будет, как в тот раз.

«Тот раз» случился, когда я ещё жил в Киеве. Они с Юреком Беккером неожиданно появились у нас в квартире под вечер.

– Почему не позвонили?

– Чтоб ты успел удрать? Ну, уж нет! Решили поставить перед фактом!

У Ежи был билет на ночной самолёт, а Юрек оставался у меня ночевать. Часа три мы старательно провожали Гофмана, потом, поддерживая под руки, свели его вниз, посадили в такси, вернулись и продолжали «провождать». Часа через полтора раздался звонок в дверь – это был Ежи:

– Я перепутал – мой самолёт давно улетел. Полечу утренним рейсом. – Он рассмеялся. – Есть повод продолжить проводы.

И мы продолжали до утра.

Гофман обладает огромным чувством юмора. Помню, как я хохотал, попав на просмотр его первого фильма, сатирической комедии «Гангстеры и филантропы». Затем он снял вестерн «Закон и кулак», ещё какой-то фильм и лишь после этого решился на то, о чём мечтал: начал работать

над экранизацией исторической трилогии Генриха Сенкевича: «Огнём и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский». Эти книги отец присылал ему с фронта, присылал в Сибирь, куда во время войны советская власть сослала всю их семью. Причем, части трилогии приходили с конца – вначале третья часть, потом вторая, а первую цензура почему-то не пропустила. И снимал он потом тоже в обратном порядке: сперва – «Пан Володыевский», затем, через три года – «Потоп», и лишь через двадцать лет – «Огнём и мечом». В промежутках Гофман снял много других фильмов, и художественных и документальных, получил кучу новых наград и премий. И перенёс большое горе: потерял жену Валю, красивую, умную и, как он сказал в каком-то интервью, «самую большую любовь всей моей жизни, которую мне подарила Украина». Она не была актрисой, но он успел отснять её в фильме «Ты должна жить!». Валя не откликнулась на этот призыв и в 1998 году ушла из жизни. Свою последующую, знаменитую картину «Огнём и мечом» Ежи посвятил ей – посвящение увековечено в титрах фильма.

Заканчивая эту книгу, я позвонил ему в Польшу. Поймал его в Мазурах, на даче, которую он давно купил и, в промежутках между съёмками, всё время перестраивал по своему вкусу.

– Давно не виделись. Прилетай!

– Увы, не могу, врачи летать запретили: чуток перенапрягся на последних фильмах.

– Ты имеешь в виду «Варшавскую битву»?

– Да. Но не только – перед ней я снял телефильм «Украина. Становление нации» – четыре года работал, очень напряжённо... Так что прилетай лучше ты, я ведь живу у озера, есть яхта, буду тебя катать.

– Сейчас не могу: должен завершить эту книгу.

– Вот, вот!.. Всегда у нас главное – работа, а остальное всё на потом, на потом!.. А помнишь, кажется, совсем недавно мы сидели и сетовали: как быстро прошла молодость...

– Помню. И я тебя утешу: старость тоже пройдёт.

* * *

С Юреком Беккером мы случайно встретились в Нью-Йорке, в редакции радиостанции «Свобода», где у нас с братом Леонидом брали интервью. Беседовали с нами по очереди, поэтому, пока расспрашивали брата, я бродил по коридору, читая таблички на дверях: «Украинская редакция», «Болгарская редакция», «Чехословацкая редакция»... Когда двери открывались, неслись удивлённые и приветственные возгласы: «Сашка?!», «Шурик?!», «Канева?!» – это были журналисты и переводчики, с которыми я не раз встречался в их странах, из которых они эмигрировали. Но самым приятным сюрпризом явилось появление Юрека Беккера из дверей польской редакции.

Оказалось, что во время антисемитской кампании, прокатившейся по Польше¹ Беккер вынужден был покинуть страну, и обосновался в Чикаго. Там же он встретил свою теперешнюю жену Урсулу. Это было на каком-то приёме, где Юрек уже находился изрядно «подшофе». Приглашённых было много. Не найдя свободного стула, он сел на пол и продолжал смаковать коньяк. Проходящая мимо Урсула, не могла не обратить внимания на красивого и элегантно-го мужчину, сидящего на полу, и невольно приостановилась. Воспользовавшись этим, он успел произнести:

– За ночь с вами я бы отдал пять лет жизни.

– Я подумаю, – ответила она.

С этого и началось. Они стали встречаться, она ушла от мужа, они переехали в Нью-Йорк, зарегистрировали брак и в 2001-м году вместе вернулись в Варшаву. Сейчас Юрек работает международным обозревателем на Польском Радио и готовит регулярные передачи для Америки. С Урсулой они по сей день вместе.

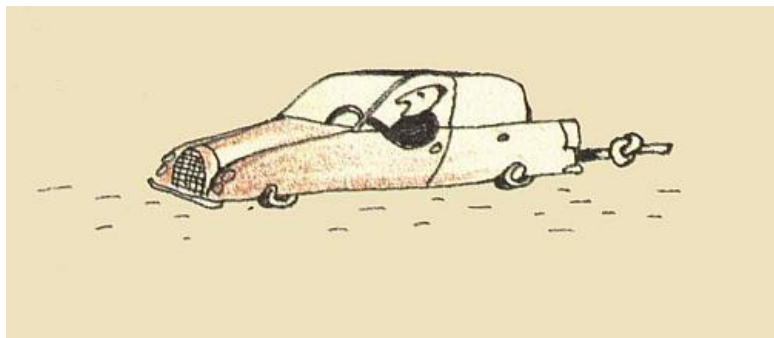
– Она оказалась замечательной женой, преданной и заботливой, вытащила меня из инфаркта, выходила, поста-

¹ Из чудом выживших после Холокоста тридцати тысяч польских евреев, подавляющее большинство вынуждено было покинуть страну. Это стало результатом антисемитской кампании, которой, в конце шестидесятых, руководил генеральный секретарь Польской Рабочей партии Владислав Гомулка. Эта кампания, по образцу сталинских времен, велась под флагом «борьбы с сионизмом» и была «выхлопным клапаном» политического кризиса, кипящего в стране. В 1970 году Гомулка был смещён со своей должности, а его деятельность расценивается сегодня как «коммунистическое преступление»...

вила на ноги...

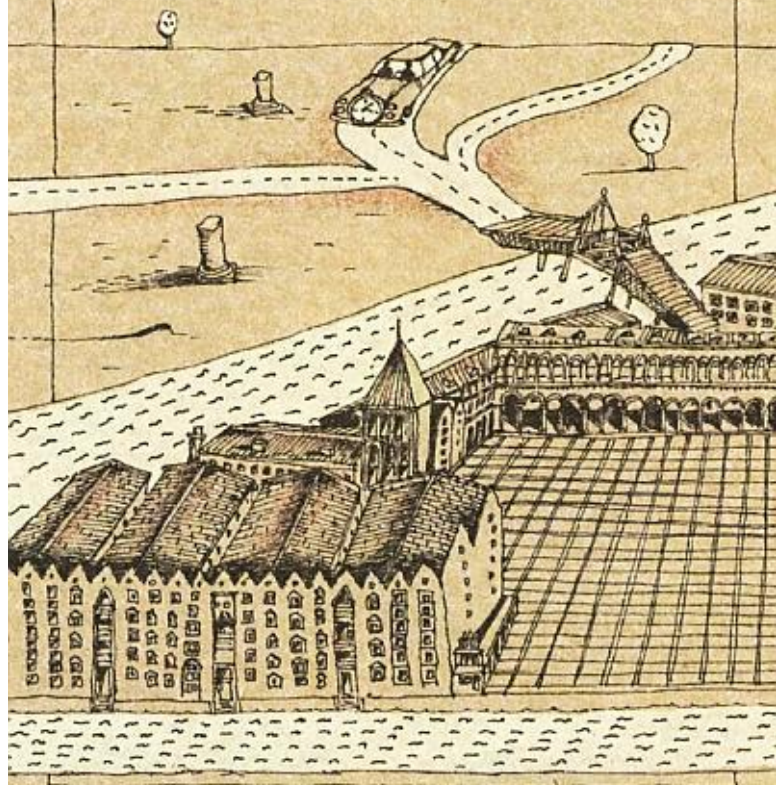
– А знаешь, кто она по профессии? – спросил Юрек и тут же с гордостью сообщил. – Инженер-механик по горным машинам!.. Представляешь?.. У меня были и актрисы, и художницы, и модельеры... – Помолчал и добавил. – Надо было сразу искать жену-механика!

Если верить его обещанию «за одну совместную ночь – пять лет жизни», то он уже давно долгожитель.

Глава вторая. Италия из окна автомобиля

глава вторая
ИТАЛИЯ ИЗ ОКНА АВТОМОБИЛЯ

Мы проехали полстраны, с юга на север, от Неаполя до Милана. За одиннадцать дней путешествия побывали в восьми городах, двух театрах, двух кинотеатрах, жили в шести гостиницах, обедали и ужинали в двенадцати ресторанах, посетили двадцать пять соборов и музеев и примерно столько же магазинов. Мы были наполнены впечатлениями, точнее, туго набиты ими, как кошельки после получения зарплаты, отпускных и премиальных одновременно. Впечатления переполняли нас, не вмещались, выпадали наружу. Они были яркие, пронзительны и, конечно, сумбурны. Поэтому я и назвал их – «Из окна автомобиля».

Борьба за покупателя

Италия живёт за счёт туристов. Поэтому – всё для них, всё продумано, из всего делаются деньги.

Можете не ходить по улицам, не знакомиться с архитектурой – в каждом городе продаются прекрасно изданные книги-проспекты с великолепными иллюстрациями. Можете ничего не фотографировать – везде и всюду вам предложат готовые цветные слайды. Можете не посещать музеев – в любом киоске продаются любые репродукции любых картин и фресок. Приобретя всё это, вы будете по возвращении домой поражать своих друзей объёмом увиденного, даже если вы все дни провалялись на морском пляже. А чтобы вам простилась эта невинная ложь, купите индульгенцию – она же явится ещё одним оригинальным сувениром.

В Италии много гостиниц и ресторанов, ещё больше магазинов. Каждый магазин старается всевозможными способами привлечь покупателя. Одни это делают с помощью рекламы: горячей, пульсирующей, двигающейся, крутящейся... В других действуют психологически: когда вы, расплачиваясь, отсчитываете деньги, продавец вдруг благородным жестом останавливает вашу руку с последней купюрой в пятьсот или даже в тысячу лир, отказываясь от них. Расчёт точен: каждый покупатель будет приятно удивлён и обязательно расскажет об этом своим друзьям, которые тоже захотят что-либо ку-

пить в этом магазине, чтобы получить от продавца «на чай».

Большое значение уделяется упаковке проданного товара. Магазины имеют фирменные кулёчки, пакеты с адресом магазина, красивые коробочки, цветные шпагаты... Я наблюдал, как один ювелир упаковывал проданные бусы. Он положил их в симпатичную коробочку. Потом завернул её в зелёную бархатную бумагу и заклеил липкой целлофановой лентой. Затем перетянул золотистым шпагатом и завязал бантик. Это выглядело очень красиво, но кончики бантика торчали, и продавец был недоволен. Он взял нож, протащил лезвие снизу вдоль кончиков, и они закрутились. Только после этого товар был вручен покупателю. Получив такую коробочку, вы обязательно покажете её друзьям, знакомым и тем самым сделаете рекламу магазину.

Есть десятки способов рекламы своего хозяйства.

Например, в Милане у нас был прощальный ужин в таверне «Старая гавань». Там всё удивляло с самого начала. Когда вы только спускались по деревянному трапу в декорированный сетями полуподвал, вас встречал вой корабельной сирены. Каждого посетителя... В центре зала стояла будка со штурвалом. Крутанув штурвал, вы заводили шарманку. Мы все были парадно одеты, мужчины при галстуках, женщины – в вечерних платьях: всё-таки прощальный ужин с руководителями принимающей нас фирмы. Но только мы расселись, выбежали официанты и на всех гостей надели детские фартучки и завязали их сзади. И это сразу создавало домаш-

ную обстановку.

Пепельницы на столах имели надпись: «Я украл эту пепельницу в таверне «Старая гавань»». Хозяин решил: раз уж туристы всё равно воруют на память сувениры, так пусть лучше сувенир станет рекламой. Такую «уворованную» пепельницу каждому из нас выдали на прощание.

В другом ресторане хозяин вручил всем женщинам на память по морской раковине.

В третьем – весь вечер играли три бродячих музыканта-неаполитанца, удивительно знакомых по неореалистическим фильмам и как будто выскочивших оттуда. Они обходили столики и в зависимости от национальности туристов исполняли соответствующие песни. Пели, мягко говоря, не очень, но старательно, что не выпевалось, то дотанцовывалось. За это им давали деньги, сигареты, конфеты... Очевидно, наши сигареты особенно понравились, потому что они лихо, чуть не вприсядку, исполнили три варианта «Катюши», пять вариантов «Калинки» и почему-то очень грустно, со слезами на глазах, пропели «Подмосковные вечера». По этому обширному репертуару можно было судить, что в Италии уже побывало немало советских туристов.

Рекламой является и качество обслуживания. Поэтому в гостиницах и ресторанах чисто, уютно, приветливо. Вам улыбаются, вам рады, вы – именно тот, кого здесь ждали всю жизнь. Есть рестораны, в которых вы проходите через кухню, и тогда повара приветствуют вас, выбивая ножами и ложка-

ми дробь по кастрюлям, подкидывая на сковородках шипящие бифштексы. Готовят вкусно. Мы по два раза в день ели спагетти, и они нам не надоедали – страдали только наши фигуры. Фрукты в корзинах, поданные на десерт, напоминали натюрморты, сошедшие с картин. В номерах стояли холодильнички, забитые вином, водкой, виски, пивом... Рядом лежала ручка и счёт: сам выписал, сам оплачиваешь.

Гостиниц и ресторанов много, магазинов ещё больше. Гостиницы и рестораны полупусты, в магазинах считанные посетители. Все продают – кто же покупает?

Спящая красавица

Нам повезло: рождество мы провели в Венеции; видели предпраздничные базары, слушали ночную мессу, наблюдали за гуляющими венецианцами и венецианками.

На площади Святого Марка, у Дворца дожей, молодые художники за двадцать минут могут нарисовать ваш портрет. Рисуют лихо, все удивительно похоже. Но не это главное – следите, чтобы автограф художника был разборчив: может, со временем автор станет знаменитым и ваш портрет резко подскочит в цене.

Венеция богата. Это богатство ощущаешь сразу, войдя в гостиницу: мебель, стоящая в нашей комнате, в любой другой стране считалась бы антикварной, а здесь это обычная обстановка обычного номера. На улицах дамы в норковых шубах, которые стоят здесь, как дорогие автомобили. Богатые соборы, магазины, рестораны. В соборе святого Марка я видел иконостас, в который вмонтировано 2600 (!) драгоценных камней: бриллианты, рубин, жемчуг... Не говоря уже о расписной эмали, которая может поспорить по стоимости с бриллиантами. Оценить этот иконостас практически невозможно.

В прошлом году Италию посетило 36 миллионов туристов² и, конечно, каждый из них побывал в Венеции. Город

² Двадцать лет спустя уже более шестидесяти миллионов.

всегда пользовался популярностью, но теперь, когда всюду стали писать, что он погружается в воду и, быть может, годы его сочтены, интерес к нему особенно возрос.

И рядом с откровенным богатством – откровенная запущенность. Двери домов прогнили после периодических наводнений, сверху – тяжёлые засовы и замки, а внизу – дыры в почерневшем дереве. Отсыревшие стены, отвалившаяся штукатурка. Дома не ремонтируют – видно, не решили, стоит ли... Как квартиру, в которой не знают, будут ли жить дальше. В воздухе сырость и ожидание. Чего?.. В узеньких каналах неподвижная вода застыла чёрным холодцом. Почти все окна закрыты жалюзи и ставнями, и ночью и днём. Кажется, что там никто не живёт. За окнами постоянно сушится бельё, наверное, оно здесь никогда не просыхает. Гондолы – на привязи у подъездов, как собаки на цепи. Зато собаки бегают по городу без поводков – машин-то нет.

Улицы встречаются настолько узкие, что идёшь по ним, расталкивая дома, хочется повернуться боком. «В бедрах жмёт», – пожаловалась одна моя упитанная спутница. Много поворотов – легко заблудиться. Безлюдно даже днём. На таких улицах удобно было сводить счёты с недругами.

На площади Святого Марка, напротив Дворца дожей, два бронзовых молотобойца отбивают каждый час. Это необходимо, чтобы город знал о движении времени... Потому что, кажется – здесь оно остановилось. Покой, сытость, благополучие.

У итальянцев есть пословица: «Милан работает, Рим ест, Неаполь поёт, Венеция спит». Миллионы заморских принцев приезжают посмотреть на эту спящую красавицу, оставляя здесь доллары, фунты, иены... А она спит в своей водной оболочке, как в хрустальном гробу, подвешенная на четырехстах мостах, и медленно погружается в воду.

Побывав в Венеции, я побывал в сказке. В старинной сказке с грустным финалом, которого ещё нет, но который движется, и от этого становится особенно печально. Очень, очень хочется, чтоб сказка никогда не кончалась.

С грустью о чувстве юмора

Хозяин квартиры – человек лет сорока, симпатичный, гостеприимный, простой в общении. Он меня называет Саша, я его – Тони. Тони богат, он глава преуспевающей фирмы, совладелец ещё какого-то предприятия. Хорошая квартира в центре Рима, загородный дом, две машины. Ведем диалог с помощью его жены, которая прекрасно владеет русским языком.

Если в компании находится врач, говорят о болезнях и медицине, если в компании юморист, говорят о юморе и сатире. Тони любит и то и другое, интересуется. Я рассказываю о том, что у нас в каждой республике есть свой сатирический журнал и почти во всех газетах и журналах – постоянные отделы юмора. Рассказываю и о киножурнале «Фитиль». Тони завистливо вздыхает.

– А у нас перестали смеяться, – говорит он. – Исчез юмор. Я протестую:

– Это у вас-то?.. И вы говорите это после таких фильмов, как «Полицейские и воры», «Журналист из Рима», «Чудовище», «Бум»?.. Мы считаем их эталонами настоящих комедий, смешных и умных!..

– Это было, было...

И Тони, жестикулируя, как один из персонажей перечисленных фильмов, убеждает меня, что в Италии уже нет весё-

лых комедий, нет смешных рассказов, повестей, карикатур. На газетных и журнальных страницах улыбка мелькает всё реже и реже.

– Но почему?

– Нам сейчас не до смеха.

И объясняет: политическая неустойчивость, забастовки, митинги, взрывы бомб...

– Молодёжь бунтует. По-старому жить не хотят, по-новому ещё не умеют. Да и не знают как, вот и мечутся...

Я вспоминаю свои первые впечатления от Италии: белёз за окнами и лозунги на стенах. Лозунги написаны краской, мелом, чернилами... Все-с восклицательными знаками. Большинство заканчиваются серпом и молотом, меньшинство – свастикой. И те и другие – рядом, на одной стене, иногда вперемежку. Уже по этому можно понять, как бурлят страсти. В аэропортах карабинеры с автоматами, овчарки, магнитные пропуска. Опасаясь провокаций экстремистов, досматривают, прощупывают. Я был в широкополой шляпе и, очевидно, напоминал мафиози, поэтому меня проверили миноискателем.

Бунт молодёжи проявляется не только в политических акциях, но и в уголовных. И в Риме, и в Неаполе было модное развлечение: вырывали у женщин сумки на ходу, проносясь мимо на мотоциклах.³

Работают парами: один ведёт мотоцикл, второй хватает

³ И спустя двадцать лет охота за сумками продолжается.

добычу. У Тониной жены в этом году уже похитили сумку. А за день до моего визита угнали новую полугоночную машину. Ещё не нашли.

– В крайнем случае, получите страховку, – успокаиваю его я.

– Только часть стоимости, – отвечает он. – У нас автомобили полностью не страхуют.

Оказывается, в этом году, только в Риме, похищают 300–400 машин в сутки. Если их страховать на полную стоимость, страховые компании разорятся.

Недавно моих хозяев ограбили – проникли в квартиру через веранду. Сейчас все окна зарешечены, а входная дверь сверху донизу обшита полосами стали. Перпендикулярно им – три стальных бруса-замка, которые с глухим звяканьем на четверть метра входят в стену. Захлопнув эту бронированную дверь, чувствуешь себя запертым в сейфе. Но, несмотря на эти запоры, хозяева всё равно не спокойны.

– Почему бы вам не провести сигнализацию в полицию? – спрашиваю я.

– Во-первых, это стоит целого состояния. А во-вторых, если мы это сделаем, то подтвердим, что у нас есть что воровать. Тогда точно ограбят! – отвечает Тони и смеётся.

Несмотря ни на что, чувство юмора у него сохранилось.

Кафе для одиноких

Маленькие столики – больших здесь не надо, сюда не приходят компаниями: это кафе, в котором собираются одинокие люди, в основном мужчины.

В углу – телевизор, у которого они проводят время. Наверное, у каждого дома есть свой голубой экран, но они приходят сюда, чтобы в этом совместном глазении почувствовать себя в коллективе, ощутить видимость общения.

Приходят сюда в основном те, кого жизнь хорошенько потрепала.

За соседний столик сел пожилой мужчина в когда-то, видимо, дорогом пальто, ныне уже немного лоснящемся. Потёртые брюки, стоптанные туфли – и то и другое хорошего качества. Шея обмотана стареньким шарфом, которого он так и не размотал, очевидно, под ним была ещё более старая рубашка.

Хозяин здесь знает всех своих клиентов, их ежедневно повторяющиеся заказы, поэтому он сразу поставил перед ним на стол чашечку кофе и стакан воды... Мужчина обаятельно улыбнулся, поблагодарил, перекинулся с хозяином несколькими словами, а когда тот отошёл, вытащил из кармана какой-то пакетик и стал его разворачивать, незаметно, под столом, точно так, как наши «умельцы» разливают в закусовых поллитра на троих. Оказавшись невольным свидетелем

этого, я подумал, что передо мной наркоман, который сейчас бросит в воду что-то одурманивающее. Но когда пакетик был развернут, я увидел обыкновенный бутерброд. Мужчина разломил его, первую половину впихнул в рот, разжевал её, проглотил, запил глотком кофе и снова обаятельно улыбнулся хозяину. Я понял, что этот человек сейчас на мели, а брать бутерброд в кафе – дороговато. Поэтому он и принёс его с собой, но съел украдкой, сохраняя престиж и не теряя достоинства.

Было семь часов вечера. Кафе заполнялось посетителями. Хозяин здоровался с каждым и приносил на стол заказанное, в основном кофе и воду.

Потрясение шедеврами

Вся Италия показалась мне одним огромным музеем, разделённым на залы-города. Такое количество великих произведений искусства, что они невольно обесцениваются: пробегаешь мимо колоннады Бернини, потому что впереди – фрески Джотто, но и их смотришь на ходу – хочется ещё успеть к скульптуре Микеланджело. О многом читал, многое знакомо ещё по иллюстрациям в учебниках истории, видел много репродукций... Но всё равно, когда выходишь один на один с шедевром, он потрясает. У меня таких потрясений было много. О некоторых расскажу.

Возрожденная Помпея (итальянцы говорят – Помпей). Три пятых города раскопано и очищено от лавы и пепла. Мы ходили по древним воскресшим улицам часа три, но не обошли и половины. Я никогда не думал, что Помпея так велика. Только сейчас смог смутно представить себе тот объём работ, который потребовался для раскопок города. Это титанический труд и огромная любовь к своей истории плюс, конечно, и финансовый стимул: миллионы туристов, миллионы лир, миллионы прибылей.

В городе был высокий уровень цивилизации. Монолитная узорная мозаика мостовых, виллы патрициев с большими залами для пиршеств и маленькими уютными комнатами любви с эротическими картинками на стенах, для стимулирова-

ния... Просторные бани с мраморными бассейнами и системой парового отопления, только пар проходил не по трубам, а в стенах... Капитальные публичные дома – лупанарии, к которым вели многочисленные указатели в виде пенисов.

В городе больше всего бань и лупанариев, так что можно чётко представить, чем в основном занимались патриции. Всё восстановлено очень тщательно и бережно сохраняется: фрески, лепка, статуэтки и даже мумии людей, застигнутых извержением...

...Римский Пантеон, огромный, неуютный, холодный, и в нём Рафаэль, тёплый гений. От этого страшно и грустно. А тут ещё надпись на его могиле: «Пока он жил, прародительница природа боялась быть побеждённой. Когда он умер, она поняла, что ничто не вечно»...

...Ватиканский музей – это уникальное хранилище уникальной коллекции шедевров живописи и скульптуры. Анфилада залов, по-моему, бесконечна – мы так и не дошли до конца. Чтобы обойти весь музей и хотя бы кинуть взгляд на каждое произведение, потребуется не меньше недели, причём трудовой, напряжённой, без перерывов на обед. Гордость музея – Сикстинская капелла и «Страшный суд» Микеланджело. Это подавляет. Таблички призывают к тишине, но никто бы и так не разговаривал. Хочется посидеть, помолчать, раствориться. Здесь чувствуешь себя очень маленьким и очень великим. Маленьким – рядом с созданием гения, великим – из-за принадлежности к роду человеческому, пред-

ставитель которого создал этот шедевр...

...Собор Санта Мария дель Фьоре напоминает изделие из слоновой кости. Хочется погладить, потрогать кружевную керамику и резьбу его стен. Мы приехали во Флоренцию вечером, по дороге в гостиницу остановились у собора, вышли и, зачарованные, смотрели на этот сказочный замок, подсвеченный прожекторами. Казалось, сейчас оттуда выйдет фея и скажет: «Добро пожаловать!» Но подошла гид и сказала: «Пора ужинать». Мы уехали, но на завтра ещё много раз крутились вокруг собора и любовались, любовались...

...В Академии изящных искусств, там же, во Флоренции, стоит мраморная скульптура Давида. Её высек Микеланджело, когда ему было 24 года. По ней можно изучать анатомию человека. Видна каждая мышца, каждая жилка, каждый сосудик просвечивает сквозь кожу. Обычно мраморные скульптуры – холодные. Эта – тёплая, живая. Итальянцы говорят, что скульптор вложил в неё свою душу и она до сих пор там...

...Театр Олимпико в городе Веченца – творение фантазии великого итальянского архитектора Андреа Палладио. Построен в 80-е годы XVI столетия. Уникальная архитектура – ничего похожего я никогда не видел.

Зрительный зал расположен амфитеатром. Его оформление – ниши, колонны, пилястры и скульптуры великих деятелей искусства и культуры. Всего восемьдесят фигур. Мы пришли, когда театр ремонтировался. Зал был пуст, но фи-

гуры создавали ощущение заполненности. На сцене – постоянная декорация: улицы древнегреческого городка. Под эти декорации подбирается репертуар. Акустика превосходная: наш гид ходил по сцене и, не повышая голоса, рассказывал о театре – в любом уголке его было слышно одинаково хорошо. Искусственное небо и в зале, и на сцене создает воздушность и прозрачность, не верится, что это нарисовано. Удивительный театр! Посещение его, наверное, всегда праздник... Впрочем, в идеале так и должно быть, иначе зачем ходить в театр?..

О религии

Ватикан умён. И очень гибок в своих методах привлечения паствы в храмы. Ещё в Польше я наблюдал, как под Новый год в костёлах устанавливали нарядные ёлки и устраивали праздники для детей: пусть с малых лет привыкают к посещению храмов. Католическая церковь приглашала знаменитых гастролёров, очевидно, платила им немалые деньги, но это «стоило мессы», потому что тоже заманивало в обитель божью даже неверующих.

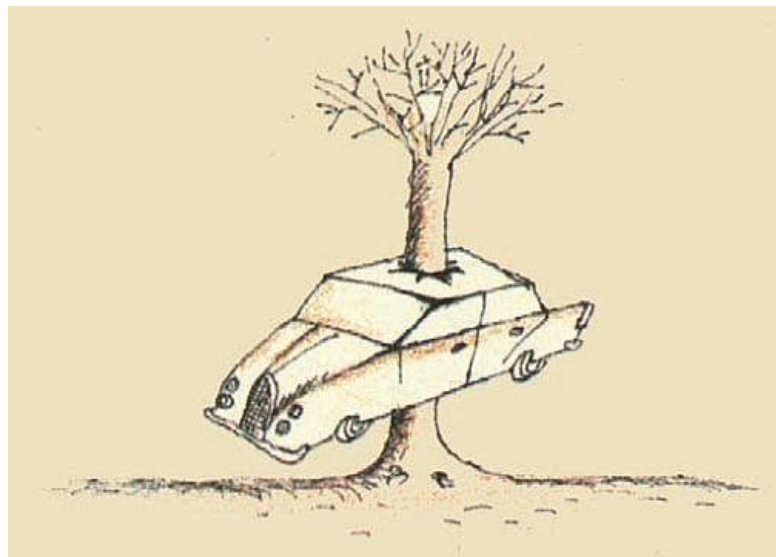
В Италию мы прилетели под Рождество. В это время во всех костёлах сооружают композиции, изображающие рождение Христа. Причём, это делается не самодеятельно, а профессионально: участвуют художники, декораторы, механики... Как сообщила нам наш гид, за лучшую работу премируют.

Я видел такую композицию в одном из венецианских костёлов. Честное слово, это было интересно:плыли облака, передвигались фигурки людей, выбегали куры, клевали корм, вылетали искры из-под молота кузнеца... А в центре, в хлеву, Дева Мария качала люльку с новорожденным Христом. У композиции все время толпился народ – и дети, и взрослые. Объясняли друг другу, где что, кто изображён – шёл своеобразный урок повторения Библии.

Началась месса. Хором дирижировал современный па-

рень с патлами и бородкой. Казалось, он сейчас сбросит суктану и выдаст рок. Хор, конечно, пел что-то церковное, но несколько иной ритм, сегодняшняя оркестровка – и это уже современная мелодия и исполнение. Пастор произнес молитву, и к нему стали по очереди подниматься прихожане. Парень в джинсах, дама в вечернем, старушка в теплом платке... Каждый из них по очереди читал абзац из Библии и возвращался обратно. На их место выходили новые, продолжали чтение. При таком новшестве каждый становился не только слушателем, но и соучастником действия, тем самым стимулировалось особое отношение к происходящему.

Яркое освещение, богатые фрески, красивый ритуал, хоровое пение – всё это напоминало спектакль в красочных декорациях, с хорошей режиссурой, по выверенному веками сценарию. Спектакль пользовался успехом, и в этом немалая заслуга мудрых режиссёров, которые его постоянно осовременивают.

Впечатления, не вместившиеся в предыдущие главы

Итальянцы приветливы, общительны, темпераментны. Напоминают одесситов, смешанных с грузинами.

Мы гуляли по вечерним и ночным городам с картами в руках и визитками отелей в карманах. Не все умели ориентироваться по картам, приходилось обращаться за помощью к прохожим. Не было случая, чтобы нам не объяснили, не показали или даже не проводили. Незнание русского языка компенсировалось энергичной жестикуляцией. Я уверен, что, если с итальянцем случится беда, и ему ампутируют руки, он сразу онемееет.

Как я уже говорил, мы проехали полстраны. Дорога не показалась утомительной, потому что мы катили по ковровым дорожкам автострад, расстеленным от мотеля к мотелю, мимо баров и ресторанов, заправочных станций, автомастерских, магазинов запчастей. Я завистливо вздыхал: при таких автострадах машины могут быть долгожителями. Все путешествие нас сопровождала шестиногая собака, дышащая огнём, — эмблема компании «Аджип», снабжающая автострады бензином. Ей же принадлежат придорожные мотели, рестораны, магазины...

Заправок много и на автострадах, и в городах. В городах —

через каждые три-четыре квартала краснеют, желтеют и белеют маленькие бензиновые колонки, как шампиньоны, пробившиеся сквозь асфальт.

В Риме бесконечный поток машин вьётся по узким улицам. Улицы без деревьев, потому что проезжая часть борется с тротуаром за каждый квадратный сантиметр. Днём машины ведут себя как пай-мальчики, вежливо пропуская пешеходов на всех перекрёстках. А по ночам выползают на тротуары, как тюлени на лед, но в отличие от тюленей не греются на солнце, а остывают в ночной прохладе. А утром – снова с рычанием прыгают на мостовую и бросаются догонять друг друга.

Как я уже говорил, итальянские водители очень вежливы – они всюду и всегда пропускают пешеходов. Стоит вам ступить на проезжую часть, даже не на перекрёстке, машины тормозят и ждут, пока вы перейдёте улицу. Я, наверное, минуты три вёл мимический диалог с миловидной сеньорой, которая, остановив «Фиат», уступала мне дорогу. Я жестами предлагал ей проехать, она улыбалась и отрицательно мотала головой: мол, только после вас. Я настаивал, она упиралась. Позади неё выстроилось стадо машин, водители которых терпеливо ждали, чем закончится наше состязание в галантности. Поняв, что ещё через две минуты я стану виновником грандиозной «пробки», прижав ладонь к сердцу, я поблагодарил сеньору и перебежал улицу. Она рванула с места, затем вдруг остановилась, высунулась из окна, послала мне

воздушный поцелуй и помчалась вперёд, увлекая за собой застоявшееся стадо.

Запомнилось мне посещение кинотеатра в Риме. Билет на сеанс стоил две тысячи пятьсот лир. За эти деньги можно было купить приличную газовую зажигалку (справка для мужчин), пять пар колготок (справка для женщин), килограмм мяса (справка для гурманов). Кинотеатр богатый: прямо от входа – роскошное ковровое покрытие, на которое страшно ступать мокрыми ботинками; кресла, обитые бархатом; напитки на подносе, поданные официантом... И несмотря на всё это, зал был заполнен на одну треть. А шёл нашумевший, скандальный фильм «Мадам Клаудиа»!.. Сколько же зрителей бывает на обычном, рядовом фильме?.. Даже при таких дорогих билетах может не хватить на чистку ковра...

Во Флоренции один из мостов через реку Арно называется Понте Веккио. Здесь – центр ювелирной торговли, два сплошных ряда магазинов и магазинчиков. Изящнейшие изделия из серебра, золота, эмали, драгоценных камней. Не случайно этот мост называют «ад для мужчин, рай для женщин»...

Ну что ещё понравилось, запомнилось или вызвало удивление?..

Шумные базары на центральных улицах и площадях, которые к вечеру разъезжаются, разбираются, подметаются – и бесследно исчезают...

Много древних развалин, которые итальянцы бережно со-

храняют. На мой взгляд, их слишком много: можно подумывать, что гунны ещё не покинули Рим. А может, просто они нам чуток поднадоели, потому что нам их выдавали в большом количестве, по две-три развалины на трудодень...

Очень красиво оформлены витрины, особенно овощных магазинов: оранжевые апельсины, красные помидоры, жёлтые бананы... И вокруг море всевозможной зелени, свежей, помытой, аппетитной. Мы покупали, пробовали – вкусно!..

В Венеции катались на гондолах. Было весело и холодно...

Ездили по древней Аппиевой дороге. Трясло...

Бросали монеты в фонтаны Треви, чтобы опять когда-нибудь приехать в Италию. Бросали по всем правилам: повернувшись спиной к воде, левой рукой через правое плечо. Говорят, тогда обязательно сбудется. Ну что ж, подождем, проверим!...⁴

Итак, за одиннадцать дней мы проехали восемь городов. Я стремительно заглатывал впечатления, не имея возможности остановиться и оглянуться. Сейчас, перечитывая написанное, хочется поразмыслить и подвести итог.

Италия богата красотой. Она напоминает квартиру, где это богатство наживалось не одним, а многими поколениями: отцами, дедами, прадедами... Богато, красиво, нарядно, но почему-то возникает тревога, что эта квартира непрочна, что она может развалиться и развалят ее изнутри, её же собственные обитатели. За окнами – солнце, море, прекрас-

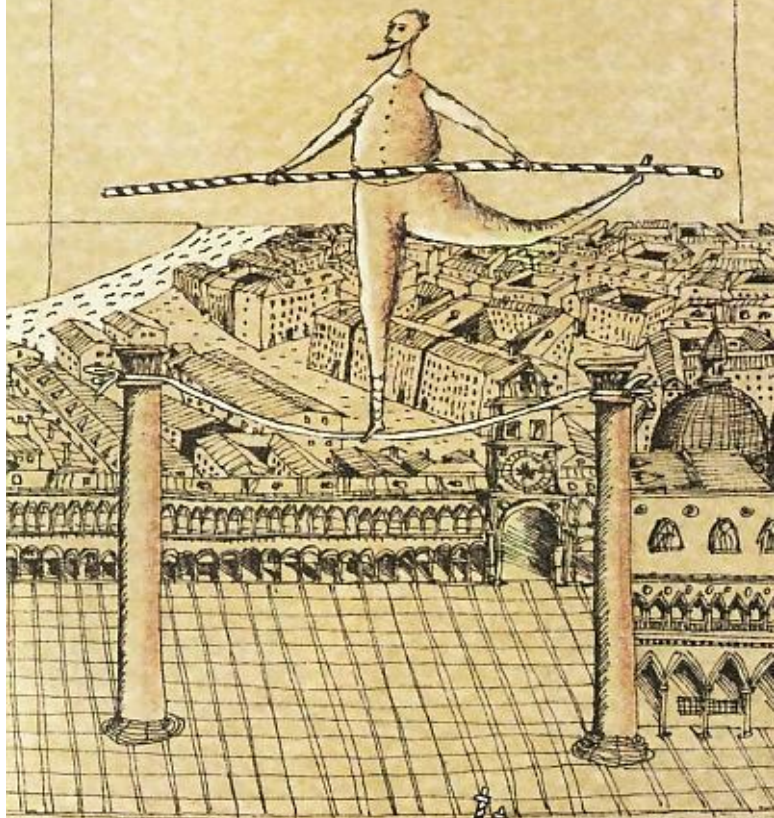
⁴ Примета сбылась: я опять побывал в Италии, и не единожды.

ная природа, но там же, за окнами заливаются полицейские свистки. И вдруг вспоминаешь, что Италия, давшая миру Данте и Микеланджело, породила и Муссолини, стала родиной фашизма и первая приняла дозу смертоносных коричневых бактерий...

Но я гоню грустные мысли: ведь в этой солнечной стране много разумных и честных людей, энергичных и предприимчивых. Они сейчас всерьёз заняты спасением Венеции и уже много сделали для этого: укрепили фундаменты, забетонировали морское дно, построили плотины... Так если столько сил и энергии тратится для спасения одного города, то неужели итальянцы бросят в беде целую страну, свою родину?.. Я был там, я видел этих людей, и я убеждён: никогда!..

Двадцать лет спустя

Двадцать лет спустя...

Тогда, двадцать лет назад, я видел страну «снаружи», как обычный турист, естественно, восхищался её красотой, которой нельзя не восхищаться. Спустя двадцать лет я несколько раз не просто побывал в Италии, а пожил там в гостях у моих близких и это уже впечатления «изнутри».

** * **

В Италии две Италии: северная и южная. Северяне считают южан неотёсанными, малообразованными примитивами, породившими мафию и коррупцию, живущими на деньги, заработанные Севером. Южане взирают на северян как на полуавстрийцев, полуфранцузов, которым по счастливой случайности довелось родиться в такой благословенной стране, мол, эти бездельники купаются в деньгах, в поте лица заработанных южанами, которые вкалывают на их фабриках и заводах.

Различий между Севером и Югом много: и в климате, и в привычках, и в кухне, и даже в языке. Но есть и то, что сближает их и роднит:

Во-первых, ни там, ни там не признают никаких других языков, кроме итальянского. Такой «вездеход», как английский, тоже не в чести — даже не все адвокаты владеют им...

Во-вторых, отношение к семье. Итальянская семья обычно очень многочисленна. На крещеньях, свадьбах и по-

хоронах собирается весь род, от мала до велика. Особенно, это колоритно на юге, который напомнил мне Кавказ, только с более ухоженными общественными туалетами. Итальянцы-южане, как я уже писал, похожи на грузинов «с одесским наполнением», шумные, весёлые, темпераментные. За длинным столом – вся семья, независимо от занимаемого положения и финансового благополучия: и мэр, и шериф, и сборщик маслин и главный мафиозник – похоже на фрагмент из какого-нибудь прославленного итальянского фильма времён неореализма...

В Италию нужно посылать своих детей на стажировку, пусть видят, как здесь относятся к старшим, к папе, маме, бабушке, бабушке... Причём, это не «обязаловка» и не «показуха», а искренняя любовь, забота, внимание, почтительность, которые впитаны с раннего детства на примере поведения родителей и окружающих родственников...

Я наблюдал, как к бабушке, на кресле въехавшей в гостиную, сразу бросились все внуки, от пяти лет до шестнадцати, чтобы поприветствовать и спросить, как её здоровье и чего бы ей хотелось вкусненького.

* * *

Но, что более всего роднит и юг, и север – это прославленная сиеста, взлелеянная предыдущими поколениями, переданная по наследству, возведённая в культ, охраняемая от

любых посягательств: ежедневно, от двенадцати до четырёх, все учреждения закрыты, и частные и государственные, и мастерские, и агентства, и магазины, и киоски... Только рестораны закрываются в полтретьего, но зато до половины восьмого...

Однажды я заехал в небольшой красавец-городок Тодди, и встретил там приятеля-москвича. Мы вместе бродили по холмистым улицам старого города, восхищались изысканностью старинных зданий. Устали, проголодались, решили перекусить, но... Два ближайших ресторана уже были закрыты, добрались до третьего, вошли. Хозяин приветливо улыбнулся и развёл руками:

– Я закрываю. Приходите в полвосьмого.

Мой приятель очень хотел есть. Это был банкир, богатый человек, опыт Московской жизни приучил его, что деньги сметаю любые преграды.

– Я вам заплачу вдвойне.

Но на хозяина это не подействовало. Он снова обаятельно улыбнулся и объяснил:

– Семья ждёт. Приходите вечером, я вас вкусно накормлю.

– Я заплачу втройне! – чуть не взвыл голодный банкир.

Хозяин продолжал терпеливо улыбаться – так ведут себя с капризным ребёнком:

– Я же вам объяснил: меня ждёт семья. Приходите в семь тридцать...

Семья и отдых – это две святыни. Раньше я не знал страны, которая бы вся одновременно «уходила в отпуск». А теперь знаю: с первого августа по шестнадцатое в Италии всё закрыто, все отдыхают... Когда срочно понадобилось лекарство, мы объехали ближайшие аптеки – они были закрыты, нам сообщили, что есть дежурная аптека в Милане, пришлось туда ехать, километров двадцать.

** * **

Разогретая, избалованная страна. Шестьдесят миллионов туристов ежегодно посещают Италию и оставляют здесь миллиарды евро, долларов, иен и фунтов. Непривычный для нас ритм жизни, как при замедленной съёмке: а куда спешить?..

Интернет моей дочери ставили три месяца, сетки на окна – две недели... Мы заехали в авто ремонтную мастерскую заменить задние колодки в машине – услышали: «Оставьте на пять дней»

– Но ведь это работа – максимум, на полчаса. Сделайте, мы подождём.

– Сейчас нет времени. Будет время – заменим.

– Тогда зачем оставлять? Скажите, когда появится время, мы подъедем.

– Мы не знаем, когда появится. Оставляйте.

Как-то рядом с домом прорвало канализацию. Позвони-

ли в мэрию, главному инженеру. Дня через три он появился, увидел, понюхал, вздохнул, согласился, что это очень нехорошо и... исчез навсегда.

Однажды случилось ЧП: утечка газа. Позвонили в аварийную службу. Мужской голос с досадой произнёс:

– Сегодня же суббота. Неужели нельзя подождать до понедельника?

– Мы же взорвёмся!

Это подействовало, приехал мастер, обнаружил протечку, но чинить не стал (суббота же!), просто перекрыл газ до понедельника, во всём доме. Была зима, холодно, дом отапливался газом.

– Мы замёрзнем!

– Я видел возле дома дрова – затопите камин, переночуйте в гостиной – всего две ночи.

Причём, всё это говорится не зло, не грубо, а очень вежливо, доброжелательно, с обаятельной улыбкой, так, что и разозлиться трудно.

В компьютерном центре, который уже третий месяц устанавливал дочери интернет, я присутствовал при таком диалоге:

– Когда, наконец, у меня будет интернет?

– Завтра.

– Я не могу работать – вы уже два месяца повторяете «завтра»!

– Так будет послезавтра. Такая красивая женщина! Пе-

рестаньте думать о работе – лучшие попробуйте это замечательное вино! Уговорите её!.. – воззвал ко мне. – Такая красавица!

Он говорил очень искренне, но интернета пришлось ждать ещё месяц.

И в государственных учреждениях работой себя, мягко говоря, не перенапрягают. Даже в маленьких городках – большая бюрократия: получить ответ на письмо, попасть на приём – долготрудная задача. Однажды дочери, наконец, удалось договориться о встрече с заместительницей мэра, ей назначили время: девять утра. В без четверти дочь уже была в приёмной. Секретарша сообщила:

– Ушла десять минут тому назад.

– Но она же мне назначила на девять.

– Снег выпал, – сообщила секретарша и, удивлённая, что дочь не понимает, пояснила. – Снег в горах выпал... Лыжи.

Дело было осенью, в горах выпал первый снег – очевидно, это считалось уважительной причиной.

– Позвоните завтра.

Эту фразу можно поставить эпиграфом главы об Италии:

«Позвоните завтра»!.. И, действительно: зачем спешить? Страну всё равно все равно любят, она привлекает, в неё стремятся.

* * *

В Италии масса молдаван, словаков, румын... Но мне показалось, что больше всего украинцев. В основном, молодёжь. Приезжают на заработки, но и с затаенным намерением укорениться здесь, устроить личную жизнь: мужчины – жениться, женщины – выйти замуж.

Как-то, будучи в Парме, я хотел повидать своего земляка-киевлянина, который уже год был здесь на заработках. Пытался выяснить его адрес. «Зачем? – удивился мой собеседник. – После семи приходите на круг – там все они собираются». Сперва я подумал, что он шутит, но, потом убедился: нет! Всё по правде. На центральной площади, вокруг фонтана, к вечеру собралось большое количество украинцев, делились новостями, сообщали друг другу об открывшихся вакансиях, решали наболевшие проблемы... Просто – сходка запорожских казаков, я всё ждал, что вот-вот услышу крики «Любо!.. Любо!..»

* * *

Мы проехали на машине через всю Италию, с севера на юг и обратно. Туда ехали по великолепным горным дорогам, сквозь километровые туннели, пронзающие Апеннины. Вы-

скакивали на мосты, перекрывающие ущелья такой глубины, что казалось — мы не в машине, а в самолёте... Возвращались по прибрежной полосе, где небольшие городки лениво купают ноги в Адриатическом море. Между ними километры неосвоенного песчаного берега, здесь могли вырасти десятки привлекательных курортов, но их же надо строить... А сиеста? А снег в горах?.. Завтра, завтра!..

По дороге на юг заехали в Неаполь. Сразу бросилось в глаза количество красивых женщин, удивительно красивых, стройных, длинноногих, с тугими бюстами, которые рвутся на свободу из декольте. Правда, дочь отметила, что здесь и мужчины очень привлекательны. Оторвавшись от рассматривания женщин и переключив внимание на сильный пол, я вынужден был признать, что она права: невольно кажется, что навстречу шагают толпы Марчелло Мastroяни и Адриано Челентано.

Прославленный Неаполь утопает... Нет, не в зелени — в мусоре. Он накапливается неделями, а то и месяцами. Нам рассказали, что это давняя проблема города. Когда возникает опасность, что мусором покроет весь Везувий, мэрия вступает в переговоры с уборщиками (Откровенно мафиозная организация), платит им какие-то сумасшедшие деньги и мусор убирают... до следующего накопления. Это не простой мусор, а золотой, зачем же с ним бороться!

Сейчас, когда на страну надвинулся экономический кризис, Италия вынуждена предпринимать решительные ме-

ры, чтобы выстоять. Но не подумайте, что это поток переквалификаций или, не дай Бог, отмена сиесты. Нет, нет!.. Здесь, для начала, нашли более быстрые и результативные способы: резкое увеличение налогов и штрафов. Штрафуют всех и за всё, к кому только можно придаться: и водителей автомашин, и хозяев кафе, и владельцев собачьих питомников... Причём, суммы штрафов астрономические. Приведу пример. В Италии несколько видов мусорных ящиков: для органики, для бумаги, для пластика, для стекла... Так вот, за то, что мусор по ошибке выброшен не в надлежащий для него ящик, штраф десять тысяч евро (присредней зарплате полторы-две тысячи в месяц)!... Не знаю, может, штрафотерапия, и вправду, вытаскивает страну из кризиса?.. Подождём, увидим.

* * *

Перечитал последние пять страниц и почувствовал, что меня могут обвинить в предвзятости. Нет, нет, не надо – я люблю Италию! Просто возникли вопросы, на которые мне трудно ответить.

При явно замедленном ритме жизни и ленивом левантийском благодушии, по всей стране стелятся первоклассные шоссе, сквозь горы пробиты километровые туннели, через ущелья переброшены автомобильные и железнодорожные мосты... А современнейшие станки, мощные электростан-

ции, популярные «Фиаты» и «Альфа Ромео»?.. А прославленная итальянская обувь, одежда, вина, оливковое масло, уникальный сыр «Пармезан»?.. А ежегодный многомиллионный поток туристов?.. Кто-то же всё это создаёт, выпускает, встречает, принимает, обслуживает...

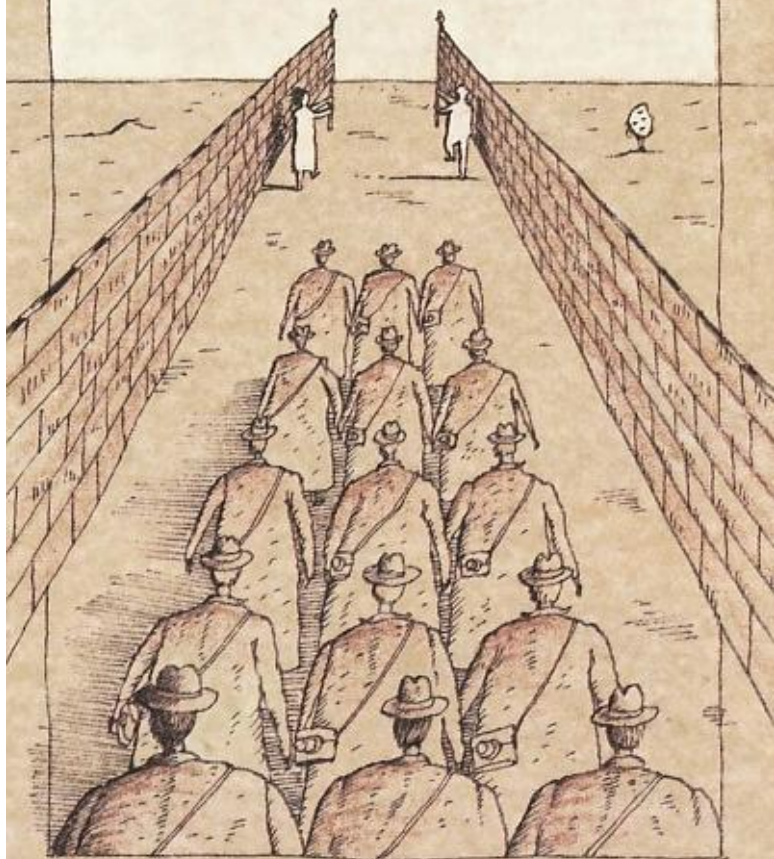
Кто?.. Когда?.. Как?..

Загадка этой удивительной страны!

«Мы и заграница».
(Привал между главами)

«МЫ И ЗАГРАНИЦА»
Привал между главами

Во время своих путешествий за границей я неоднократно встречал группы наших туристов. Встреча с соотечественниками вдали от Родины – это радость, эмоции, воспоминания. Но не всегда. К великому сожалению, я часто испытывал чувство неловкости, наблюдая за поведением моих земляков. Прежде всего угнетала их скованность, какая-то настороженность, даже запуганность: сбивались в кучу, ходили парами, избегали контактов с окружающими. Корни такого поведения мне известны, я сам не раз проходил «инструктаж» и выслушивал ужасающие подробности о том, что может со мной произойти в чужом и опасном краю, вдали от родной профсоюзной организации. Нам рассказывали такие ужасы о жизни в той стране, куда нас отправляли, что хотелось тут же вскочить, удрать домой, в свою безопасную малогабаритную квартирку, запереться там на все замки и никуда не высовываться до выхода на пенсию.

И ещё меня всегда удивляло, как похожи друг на друга руководители групп из разных городов, даже из разных республик – их подбирали по одним и тем же качествам: очень бдительны и сурово-подозрительны, они не радовались путешествию, а выполняли тяжкую, изнурительную обязанность и изнуляли своих подопечных.

Глава о Варшаве вызвала воспоминания о моей первой зарубежной поездке в Польшу. Правда, о ней я уже рассказы-

вал в своём автобиографическом романе «Смейся, паяц!», но не удержусь и расскажу ещё раз.

Первая «заграница»

Я жил тогда в Киеве. У меня наладились заочные контакты с польскими писателями, которые переводили мои рассказы и давно приглашали в Варшаву. Мне присылали официальные приглашения, но выехать самостоятельно тогда было невозможно – только «организовано, в коллективе». Я подал заявление в Союз Кинематографистов, и мне предложили присоединиться к профсоюзной делегации, которую формировало Общество Польско-Украинской дружбы. (Как потом выяснил, им, для процентов, нужен был один интеллигент и один еврей – я был очень удобен, будучи одновременно и интеллигентом и евреем).

Получив необходимую для любой поездки за границу «характеристику-рекомендацию» за подписью «треугольника» (Первого секретаря Союза, парторга и профорга), принёс её в Общество Дружбы (Было такое!) вместе с фотографиями и деньгами.

За день до поездки нас всех собрали и познакомили с руководителем группы. Её звали Маня Михайловна. Некрасивая, безвкусно одетая, она носила ядовито-зелёное пальто и пожарно-красную шапочку. При этом, её нижняя челюсть была намного активнее верхней – стремительно бросалась вперёд навстречу собеседнику, оскаливая зубы, что означало приветливую улыбку. На том же сборе были избра-

ны староста, заместитель старосты, парторг, профорг, комсорг, физорг... Все члены группы получили ответственные нагрузки, без «должности» остались только двое: интеллигент и еврей, то есть, я.

Парторгом, по рекомендации «сверху», стал начальник цеха какого-то харьковского завода. Его партийная кличка была Павел Иванович. К пиджаку его была прикреплена звезда Героя Социалистического труда, но не крепко, потому что во время поездки он, снимая пиджак, перевешивал звезду на рубашку, а, снимая рубашку, цеплял её к майке. Подозреваю, что когда он шёл в душ, то цеплял эту награду к соску.

Павел Иванович тут же провёл политинформацию о поисках международного империализма и воззвал к постоянной бдительности и строжайшей дисциплине. В поезде он обошёл все купе, как командир обходит окопы перед боем: открывал дверь, оглядывал накрытый столик с обязательной бутылкой водки, и спрашивал:

– Как самочувствие?

Ему хором отвечали «Прекрасное!» и наливали стакан водки. Он выпивал его и давал последнее наставление: «Своих еб-ть, полячек не трогать!». После этого, с чувством выполненного долга, входил в следующее купе, где выпивал очередной стакан и давал такое же указание. Причём, он это говорил и в присутствии женщин, тем самым, даря им перспективу.

В Варшаве, в гостинице, наш парторг требовал, чтобы

на завтрак все шли вместе, парами. После ужина удерживал всю группу за столом и, когда вступал оркестр и посетители ресторана шли танцевать, озорно подмигивал:

– А ну, братицы, давайте их перекроем!

И громко затягивал «Из-за острова на стрежень...». Ему начинали подпевать. Танцующие пары удивлённо и недовольно оглядывались на певцов, а Павел Иванович истово дирижировал и похохатывал:

– Как мы их, а!?

Однажды он остановил меня в холле и погрозил пальцем:

– Я заметил, вы с нами не поёте! Отрываетесь от коллектива!

Я решил отшутиться:

– Мы ведь приехали крепить дружбу с поляками, а у меня – ни слуха, ни голоса, если я запою, дружба кончится.

Он на секунду напрягся, переваривая информацию, и, осеждённый открытием, радостно подбодрил:

– Ничего! Можете петь – в общем хоре не разобрать!

Очень был недоволен тем, что каждый вечер я уходил то в театр, то в клуб, то просто в гости. Пытался не пускать, угрожал «отрицательной» характеристикой. Пришлось ему довольно жёстко объяснить, что я приехал знакомиться с польскими писателями, с польскими фильмами и спектаклями, а не с польской «Выборовой», на которую он тратил все обмененные ему деньги. Павел Иванович помрачнел, но угрозы прекратил. Только каждый раз, когда за мной

заезжал кто-то из писателей, даже такие известные как Потемковский или Юрандот, он впивался в них пристальным рентгеновским взглядом, пытаясь разглядеть в каждом законспирированного агента ЦРУ.

В первый же день я позвонил Ежи Юрандоту, председателю Союза писателей Польши, и сообщил, что приехал. Он сказал, что через час ждёт меня угостиныцы. «А как мы узнаем друг друга?» спросил я. Он ответил: «Будем держать в руках по свёрнутой газете, как два шпиона». В назначенное время я увидел у входа невысокого, седого человека, который сперва радостно помахал мне газетой, а потом, якобы спохватившись, поспешно спрятал газету и приложил палец к губам, как бы призывая к бдительности. Он сыграл это так достоверно, что я невольно расхохотался. Мы пожали друг другу руки, потом он обнял меня, чем несколько удивил: ведь я готовился к официальной встрече. А он вдруг спросил:

– Пан Саша, вас уже водили туда, где собираются самые красивые Варшавские бляди?

– Нет, – растерянно ответил я. Он возмущился:

– О чём думает Общество Польско-Украинской дружбы!.. Поехали!

Он привёз меня в ресторан гостиницы «Виктория», в котором, действительно, за столиками сидели очень эффектные женщины. И обнадёжил:

– Вечером их будет ещё больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.